

Е.Н. ЕЛЬЦОВА, С. МУЛЯХИ
(Тунис)

ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ТУНИСА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Рассматривается своеобразие художественного осмысления геокультурного образа североафриканской страны Туниса в художественных произведениях русских писателей и поэтов. Исследуется, как путешествие способствует внесению новых мотивов и идей в оригинальное творчество русских авторов, позволяя им участвовать в сотворении художественно-текстового образа посещаемой страны.

Ключевые слова: Геокультурный образ, литература путешествий, Тунис

В литературоведении и лингвокультурологии XX в. начал активно рассматриваться геокультурный образ той или иной территории (страны, региона, города и т.д.). На основе открытий культурологии и филологии возникла новая область науки – «геокультурология» (Вяч. Иванов, Ю. Лотман, А. Пятигорский, В. Топоров, Б. Успенский, Т. Цивьян и др.). Представители культурной географии пытаются осмыслить процессы символизации географического пространства в культуре (Д.Н. Замятин, В.Л. Каганский, О.А. Лавренова и др.). Данные исследования включают в себя понятие геокультурного пространства (топоса), которое формируется на границе реального геофизического пространства и пространства литературного. О.А. Лавренова отмечает: «Геокультурное пространство – это не только образ определенного географического места в литературном воплощении, но и одна из возможных форм бытия автора произведения, лирического героя и их переживаний» [9]. Каждое художественное произведение имеет свою геокультурную специфику. Автор создает свое художественное пространство, включает определенный географический компонент, который имеет свое семантическое и мифологическое содержание.

Другим важным понятием данных исследований выступает «геокультурный образ». Д.Н. Замятин определяет геокультурные образы как компактные модели определенного географического пространства, а также как «территории или пространства, воспринимаемые и наблюдаемые через «призму» культуры, социокультурных ценностей, знаков и символов, которые тесно связаны с эмоциональным, рациональным и концептуальным переживанием пространства» [7, с. 36]. Интерпретация геокультурных образов в литературных произведениях включает не только реальные географические объекты, но и знаки, мифы, символы, стереотипы, участвующие в их литературном воплощении. В формировании геокультурных образов большую роль играют соседние образы. Например, в формировании образа России «участвуют» географические образы Евразии, Восточной Европы, Балтийского и Черноморского регионов, Кавказа [8, с. 6]. Исходя из данной концепции, можно также утверждать, что рассматриваемый нами геокультурный образ североафриканской страны Тунис включает не только собственно тунисскую топонимику, но и такие образы, как Африка, Восток, Карфаген, Сахара, Ислам.

Особую роль в раскрытии геокультурного образа той или иной территории играет литература путешествий. В своем произведении путешественник стремится представить свои личные и субъективные осмысления соответствующей культуры, исходя из наблюдения, непосредственного общения с представителями других культур и наместного нахождения. Он путешествует, попадает в неизвестные страны и местности, раскрывает изнутри чужие культуры и жизнь народа, знакомится с местным населением, их историей, географией, общественным устройством и законами, изучает языки; духовно обогащается и сохраняет этот образ в своих произведениях. Поэтому литературное путешествие выступает репрезентацией, освоением и интерпретаций определенного культурно-географического пространства, в котором отражаются различные мифы, символы и стереотипы. С помощью путешествия культура описывает себя, создает образы и внешние картины стран, городов и народов. Таким образом, литература путешествий является пространственной моделью определенной культуры.

В мировой литературе имеется богатый литературный пласт путешествий как в прозаической, так и поэтической форме. Этот материал может стать источником раскрытия геокультурного образа разных стран и регионов, в том числе арабского Востока в целом и Туниса в частности.

Арабо-мусульманский мир служит одним из основных источников вдохновения русских писателей и поэтов, в чьих произведениях он приобрел особое культурно-философское осмысление. Непосредственному знакомству с народами арабских стран и их культурами помогли путешествия в эти страны. Так возникал особый интерес и творческое желание раскрыть русскоязычному читателю новый мир культуры (философию, религию, историю) арабских народов и их образ жизни.

Географически арабский мир включает Ближний и Средний Восток, охватывая две части Азии и Северную Африку. В исследованиях по данной тематике уделяется большее внимание описанию стран Среднего Востока и, к сожалению, недостаточное стран Магриба (Марокко, Алжир, Тунис, Ливия, Мавритания). Данная тенденция связана с разными причинами. Средний Восток предстает колыбелью культуры арабов и включают святые места (Палестина, Сирия, Иордания), тогда как страны Магриба лишены такой философско-религиозной основы. Хотя страны северной Африки, находясь на стыке Средиземноморья и африканского континента, синтезировали разноликие культуры и традиции, и тем вызывают восхищение у путешественников.

В русской литературной традиции арабский Восток и исламская культура занимают особое художественное место. Романтика арабского Востока, обаяние «мавританской культурой» проникли в Россию, главным образом «через популярную западную литературу, а также благодаря весьма редким, в том числе и переводным, материалам на страницах российских журналов» [10, с. 97]. Очерки и произведения французских и английских путешественников печатались в «Отечественных записках», «Современнике», «Русском вестнике», «Вестнике Европы», «Библиотеке для чтения» и т.д. Так, африканские очерки французского писателя Александра Дюма (1802–1870 гг.) были опубликованы в русских журналах в 40–50-е гг. XIX в. В переведенных отрывках из книги «Быстрый, или Танжер, Алжир и Тунис» Дюма повествует о своем долгом путешествии по странам Северной Африки осенью 1846 г. [5]. В этих журналах были опубликованы также самостоятельные сочинения русских ученых и исследователей путешественников, посвященных странам Магриба. Несомненно, эта культурная среда, где витал дух ориентализма, создавала предпосылки для обращения к поэтике Востока художников русской словесности того периода (А. Дельвиг, В. Кюхельбекер, В. Жуковский, П. Вяземский, А. Пушкин, М. Лермонтов).

В русской литературе начала XX в., получившего название Серебряный век, писатели и поэты разных направлений и школ вслед за романтиками XIX в. обращались к тематике Востока. Арабские восточные мотивы явно появляются в произведениях К. Бальмонта, А. Белого, В. Брюсова, И. Бунина, Н. Гумилева, В. Соловьева и др. Каждый из них по-своему отразил и интерпретировал этот образ, переосмысливая и открывая для себя и читателей по-новому восточную культуру.

В этот исторический период Тунис становится популярным местом и привлекательным направлением как для исследователей и ученых, так и для художественной элиты. Так, в 1910 г. в Северную Африку совершил поездку известный российский художник К.С. Петров-Водкин и написал путевые очерки «Поездка в Африку» [11]. Первая часть очерка «На рассвете» включает в себя 14 небольших зарисовок о пребывании художника в одном из оазисов Сахары. Он описывает знойность африканской пустыни, ее немилость людям, когда от жары погибают пальмы, проказа убивает людей. В этом чужом для него мире он – «варвар», которого все сторонились («*Чужой, дикий бродил я окрест...*») [11]. Но в этом же чуждом для себя мире он встречает проводника Хамана, повествующего о сахарских мифах и традициях и открывшего художнику красоту арабского Востока.

Во время путешествия 1910–1911 гг. по Египту и Алжиру в Тунисе побывали писатель Иван Бунин и его жена Вера Муромцева-Бунина. Бунин так говорил о своем отношении к этим поездкам: «Я много жил в деревне, много путешествовал в России и за границей: в Италии, в Турции, на Балканах, в Греции, в Палестине, в Египте, в Алжире, в Тунисе, в тропиках. Я, как сказал Саади, «стремился обоз-

реть лицо мира и оставить в нем чекан души своей», меня занимали вопросы психологические, религиозные, исторические» [3, с. 141]. Впечатления от поездок на Восток легли в основу арабских циклов стихов, «путевых поэм» «Тень птицы» (1907–1911) и путевых очерков «Воды многие» (1925–1926).

Основатель литературного направления «акмеизм» Н. Гумилев совершил четыре путешествия в Африку: в 1908 г. – в Египет, на рубеже 1909–1910 гг. – в Сомали и Восточную Абиссинию, в сентябре-марте 1910–11 гг. – в Абиссинию. Последнюю поездку он совершил в 1913 г. по заданию Академии художеств, с которой привез большую коллекцию вещей, а также многочисленные записи песен и легенд. На основе африканских путешествий Н. Гумилев создает свои прозаические произведения: путевые заметки «Африканский дневник» (1913) и путевой дневник «Африканскую охоту» (1916). Африканская тема отразилась в его богатом поэтическом наследии: стихотворные сборники «Чужое небо» (1911), «Колчан» (1911), «Шатер» (1919–1921). Африка для писателя и поэта была связана «с идеей подлинного «земного рая» [6, с. 165], представленного в виде первичного, благодатного мир, мира естественного порядка вещей.

Среди большого «африканского наследия» Н. Гумилева можно выделить в том числе произведения, посвященные Тунису и его истории. Так, в стихотворении «Тразименское озеро» он воспевае подвиг великого полководца античности Ганнибала (247–183 гг. до н.э.). Героем гумилевской новеллы «Лесной дьявол» выступает отважный и предприимчивый карфагенский мореплаватель, совершивший экспедицию вдоль западного берега Африки, Ганнон Карфагенянин (живший около VII–VI вв. до н.э.). В стихотворении «Алжир и Тунис» [4] поэт повествует о теснейшем родстве «старой Европы» и средиземноморской Африки. Начав с описания культурно-географических реалий финикийско-римского периода, он переходит к рассказу о французской колонизации этого региона: *И к Италии дальней / Дивно выгнутый мыс / Простирает печальный / Брат Алжира, Тунис. / Здесь по-прежнему стойки / Под напором ветров / Башни римской постройки, / Колоннады дворцов. / У крутых побережий / На зеленом лугу / Липы, ясени те же, / Что на том берегу.* В финале стихотворения поэт противопоставляет Север и Юг – христианские земли, освоенные французами, нашедшими здесь «край наследственный свой», с одной стороны, – и дикие народы пустыни, с другой: *«Но на север и ныне / Юг оскалил клыки. / Все ползут из пустыни / Рыжей стаей пески. // Вместо хижин – могилы. / Вместо озера – рвы... / И отходят кабилы, / Огрызаясь, как львы.* Н. Гумилев, воспевая волю европейца, противопоставляет ее дикой воле природы. «Белый» сражается с песками пустыни и племенами, олицетворяющими пустыню. Так, в финальных строфах стихотворения читаем: *Только белый бороться / Рад со всяким врагом, / Вырывает колодцы, / Садит пальмы кругом. // Он выходит навстречу / Этой тучи сухой, / Слово рыцаря на сечу / С исполинской змеей.*

Путешествие по странам Средиземноморья и Северной Африки становится ключевым моментом в жизни и творческих исканиях другого писателя начала XX в. – символиста А. Белого. В 1910 г. А. Белый с женой Асей Тургеневой отправляются в Италию, Тунис, в Египет, потом в Палестину и возвращаются в Одессу. Ю.В. Шатин отмечает, что путешествие А. Белого было своеобразным бегством из Москвы от семейных неурядиц, проблем с издательством [18, с. 379], но это африканское путешествие повлияло на его философские и творческие искания. Свои записи о путешествии Белый подготовил к печати еще в 1912 г., но они так и не были опубликованы ни в издательстве «Мусагет», ни в издательстве «Сирия». Впервые путевые записи были изданы в 1922 г. под названием «Офейра» [2]. Чуть позже в Берлине вышло второе, дополненное издание под заглавием «Путевые заметки». «Африканский дневник» пишется как продолжение и вторая часть [1]. Африканские впечатления переданы А. Белым особым символическим языком: красками, звуками, геометрическими фигурами и линиями. Этот изобразительный дар отмечает Т.Ю. Хмельницкая: «Белый был наделен даром остро видеть мир в линиях и красках. И этот изобразительный дар делает столь богатой и зрительно представимой его словесную палитру» [13, с. 44]. В своих произведениях автор-путешественник отражает тунисскую действительность в качестве художественного стиля, который включает разные элементы исторической информации, политических сведений, национальных и этнографических описаний.

А. Белый в предисловии «Африканского дневника» пишет: *эта книга не может быть названа «Путевыми заметками». Это – скорее «Африканский дневник* [1, с. 330]. Автор подчеркивает жанровое определение своего произведения и выделяет самостоятельность произведения, указывая, что *будучи в 1911 году с женою в Тунисии и Египте, все время мы посвящали уразумению картин, вставивших перед нами* [Там же, с. 330]. Так же, как и в своем первом произведении «Офейра», А. Белый пытается не только осознать, понять, прочувствовать увиденные образы, но и пересказывает истории, фиксирует факты и даты. Не случайно он отмечает этот переворот в своем путешествии и в себе: *я приехал в Тунис отдохнуть, переждать холода, и с весенними первыми днями вернуться обратно в Европу; нас ждали: Мессина, Катанья, Помпея, Неаполь, Равенна, Ассизи, Флоренция, Рим, галереи, музеи; а мы – засмотрелись куда-то обратную сторону; юг и восток призывали; и голос Сахары раздался* [Там же, с. 348]. В «Африканском дневнике» зазвучала лишь слегка затронутая в «Офейре» тема Африки. Тунис стал в биографии русского поэта, прозаика тем переломным местом, который родил в нем «новую жилку», «предпринимателя, авантюриста»: *был во мне миг, когда я, перестав быть туристом, мог стать путешественником; а Тунисию чувствовал базой, откуда мог бы я нырнуть в необъятную Африку, как водолаз прикрепленный канатом к судну* [Там же, с. 348]. Затянувшееся пребывание в Тунисе (А. Белый прожил в Радесе, пригороде столицы, два месяца) стало для него откровением: он изучал историю Туниса, быт и нравы народов, историю мусульманства, рассматривал карты, читал на французском языке книги известных арабских и европейских ученых и путешественников. В его исследовательской библиотеке были книги известного тунисского философа, социолога и историка Ибн Хальдуна, арабских путешественников Ель Едриси и Мохамеда Юсефа, очерки русского путешественника А. Елисеева, исследования французских востоковедов Ф. Ленормана и Виктора Пикей других авторов. А. Белый пишет: *Пребывание в тихой арабской деревне, в Радесе мне было огромнейшим откровением, расширяющим горизонты; отсюда я мысленно путешествовал в недра Африки, в глубь столетий, слагавших ее современную жизнь; эту жизнь мы уже чувствуем, тысячи нитей связывают нас с Африкой* [1, с. 330].

В целом «Путевые заметки» построены на противопоставлении двух моделей пространства, которые по мере путешествия меняются. Так, в самой «Тунисии» противопоставлены Кайруан и Тунис с его пригородами Карфагеном, Сиди бу Саидом, Радесом, как два разных образа культур на территориальном пространстве страны, Африка и Европа как два континента и несовместимые культуры в мировом масштабе. После путешествия в Египет Тунис сравнивается с Каиром. Это противопоставление реализовано в зрительных образах – геометрических и цветовых, содержательных оппозициях, образах – героях. Так, описание Кайруана сопровождается рассказами об истории становления ислама, об истории города, его мечетях и мифах, тем пейзажем, который окружает сам город.

Сопоставительный анализ дополняется зрительным контрастом (старый выжженный Кайруан – одновременно белый и разноцветный Тунис): *Облупленный, жженный стоит Кайруан, не как белый надменный Тунис, Здесь черно-белые пестрят повсюду; а краски Туниса – зеленые, желтые, синие; <...> вот – черные, белые полосы под куполами мечетей в Тунисе арабка закутана в снежении шелка; а здесь, в Кайруане, чернеют шелка на ней* [Там же, с. 341]. Описывая кайруанскую архитектуру, А. Белый широко использует геометрические термины и эпитеты: *пирамидический, трехъярусный, плоский, зубный, беззубный, квадратный, полукруг, дуга, полосы* и т.д. Два пространства наделяются совершенно противоположными характеристиками. Кайруан с четкой геометрией рисунка и Тунис, украшенный растительной орнаментовкой, имеют две разные цветовые гаммы: в Кайруане – черно-белые росписи стен, *здесь – более шашек; здесь и толпа – чернобелая вовсе; как флер, чернобелые пятна людей вместе с дугами, клетками, шашиками стен полосатят глаза похоронно; вот черные, белые шашики на мощной дуге обращенных ворот; вот – черные, белые полосы под куполами мечетей* [1: 340]. Это черно-белое архитектурное наполнение повторяется в цвете одежды: «чернеют шелка» на кайруанской женщине, в белый бурнус закутан суданец. Совершенно иные краски Туниса: «зеленые, желтые, синие», *туниска закутана в снежении шелка* [Там же, с. 340].

Автор отметил и другой важный момент, отличающий Кайруан от Туниса, – отношение к представителям других верований в мечетях. Так, в Тунисе иностранцам не допускается входить в мечеть в отличие от Кайруана: *дверь открывается для гяуров, здесь в Кайруане», а «в Тунисеруми – неверный в мечеть не пропустят»*. Причина объясняется тем, что *«сквернили французы постоем во время своей оккупации их; с той поры дверь мечетей, уже оскверненных [Там же, с. 343].*

Описывая дорогу в Кайруан, А. Белогобольше всего привлекали природные ландшафты и архитектура. Поэт активно использует цветочные эпитеты и геометрические фигуры. Кайруан характеризуется пустынным ландшафтом и климатом (песок, дюна, сахара, верблюд, жаренные кактусы, жаркий ветер, сухие колочки, желтые мулы, желтые пески, треск, ветер, горы из кварцевой пустыни, желтые равнины, буря, ужасная сушь). Сам Кайруан и его природа описаны с помощью таких цветочных эпитетов, как *желтый, сухой, бурый: Из песков – намечается: мертвенно желтым песком Кайруан [Там же, с.337]; Посмотрел я в окошко: как зло, как желто!... Ветер стих; все пески опустились; и яркое, яркое небо – синее; и солнце бросает лучи; но какая ужасная сушь [Там же, с. 339]; верблюды пасутся среди жаренных кактусов, где-то за городом; щиплют желтеющие корни когда-то здесь бывшей травы; и сухие колочки живут [Там же, с. 341]* и т.д. В сознании автора Кайруан стал символом Сахары и ее жестокости (*город верблюдов, сахарийское пекло, мертвенно желтый песок*). Не случайно в эту главу помещены сведения о самой Сахаре, ее дюнах и эргах, свидетельства о путешествии в Сахару русского путешественника А. Елисеева. А. Белый не просто рисует город, а создает образ-метафору. Город Кайруан – это ворота Африки и знойной Сахары. Кайруан, словно, город-призрак, где все желтое, засухшее и пожелтевшее: *Кайруан остается воротами в моем восприятии Африки ... облупленный город стоит точно призрак, сухой. Пережаренный, злой, запахнувшийся в дымный бурнус из песков, гоготавший и в очи, и в дни, взрывававших в черные ночи первозданные страхи [Там же, с. 358].* А. Белый создает две уникальные метафоры: Кайруан – город, обращенный в прошлое, в глубь Африки, противостоит Европе: *Облупленный жженый стоит Кайруан; он «ветхий деньми», непокорный, подставивший спину Европе, глядящий расширенным, воспаленным болезнями глазом в Сахару, зовущий к себе не Тунис. Тунис молод и наполнен яркими красками жизни: белый надменный Тунис, молодеющий, напоминающий бледного мавра в роскошном тюрбане [Там же, с. 340].*

Но Кайруан – это еще и глубина истории, прошлое и мудрость: *Седой Кайруан загляделся на славное прошлое [Там же, с. 345], весь Кайруан – грезит прошлым [Там же, с. 338].* Кайруан – это религиозная святыня, священный религиозный центр Туниса и колыбель распространения ислама в Северной Африке. Он богат мечетями и марабу, своим исламским архитектурным стилем: минаретами, куполами, башнями и воротами, где повсюду ощущается святость. Писатель описывает самые известные мечети Кайруана, дополняя свой рассказ ценными историческими сведениями об их основании и строительстве (первая мечеть Магриба Сиди Окбы, построенная из римских развалин и колонн; мечеть Трех Ворот, представляющая схематический план всех мечетей Туниса; мечеть Цирюльника, где стоит гробница одного из спутников Пророка Мухаммеда; мечеть Саблей, где покоится могила святого). А. Белый подробно останавливается на различных периодах истории ислама в стране, династиях, правителях, мусульманских провинциях, тщательно разъясняет отличия между религиозными мусульманскими течениями и т.д.

Восприняв экзотику новой культуры писатель-путешественник видел в этом новом культурном пространстве проявление некоторых сходств с Россией. Очертания кайруанской равнины напоминают ему о русской природе: *В этой равнине есть что-то от русской равнины; чу – звоны бубенчиков (как и в России): сквозь ветер; такие же пески напозают с Востока в пространствах лихих оренбургских, самарских степях [1, с. 340].* Сам желтый город Кайруан *точно Кремль [Там же, с. 339]* укреплен *желтеющими стенами зубцов, защищая со всех сторон света кишащий народами город от серых пригорков и рытвинок солончаковой равнины [Там же, с. 340].* Взгляд дервиша, умершего от укуса ядовитой змеи, напомнил А. Белому взгляд хлыстовки взгляд первой русской камерной певицы М.А. Олени-

ной, исполнявшей песни Шумана. Писатель увидел «давнюю тоску о мире», которая снимает все национальные и религиозные различия.

После Кайруана с его минаретами, марабу, дервишами, автор отправился поездом на север страны: «Суз», «Калаа-Спира», «Джбель-Ресс», «Двугорой», «Громбалия», «Гаммам-Лиф» [Там же, с. 359]. Прогулки по Карфагену и бело-голубому Сиди бу Саиду открывают новые образы. Вековая история проглядывает здесь через растительность, в музее Карфагена хранятся древние финикийские экспонаты. Здесь А. Белый снова, как и в путевых заметках «Офейра», размышляет о связи культуры. Истоки многоликости и разноцветности Туниса, по А. Белому, заложены в глубине истории: *брызги разбитой культуры на северо-западе Африки, точно осколки стекла, здесь и там, через зелень позднейшей прожитой жизни блистают отчетливо; и – желтосиний орнамент Тунисии, верно, неспроста – такой желтосиний; неспроста мальтийским крестом увенчали щиты туареги; неспроста венчает отчетливый крест туарегский кинжал* [1, с. 362].

Посещая Карфаген и Сиди бу Саид, русского писателя не покидает мысль о противостоянии Африки и Европы. Едва затронутая тема в путевых заметках «Офейра» в «Африканском дневнике» получают развитие. На страницах своего произведения А. Белый предсказывает события, происходящие в современном мире. Африка – это «двадцать две» Франции, которые со временем покорят саму Францию: *Франция быстро толстеет, она – негритянка; не гальский петух ее символ; и – не кадрили ее танец, скорей ее символ – жираф, ее танец – канкан; и не надо быть тонким провидцем, чтоб внятно понять: уже даже в XX столетии в тонкие звуки «рояльной культуры» Европы войдет глухо-дикий рыдающий звук барабана, там-тама; «ля-ля» превратится в звук: «бум». И забумкает звуком «бум-бума» пространство Европы. О, бедная Франция!* [Там же, с. 366–367].

Здесь же А. Белый уже как культуролог размышляет о культурах и соотносит их с идеями Шопенгауера [1, с. 371]. Четыре культуры Северной Африки получают у символиста различные цветовые смыслы: культура Берберии (=Марокко) – *черная, черно, коричнево-серая; в коричневейшей почве копается темно-коричневый бербер в коричнево-сером своем капюшоне...*; культура Туниса – бирюзовая, ее *синит, зеленит арабеска*; Кайруан – *белеет бурнус, как признак, как отзвук великого света огромной культуры* [Там же, с. 372]. Здесь же он выделяет берберо-арабский смешанный тип культуры на юге страны, который брызжет *оранжево-желтыми красками*.

Итак, это эмоциональное и образное восприятие разных культур, в целом, посещаемой страны зародились в ходе странствий А. Белого как путешественника, писателя, а не научного исследователя. В путевых заметках «Офейра» и «Африканском дневнике» возникает не только образ путешествия, но и образ автора-путешественника, мыслителя и образ страны, как говорил А. Белый, «Тунисии» с ее городами, природой, историей, культурой, архитектурой, народностями и отдельными персонажами.

Тунис, его богатая история, богатое переплетение народов и религий привлекает внимание и современных поэтов. Так, интересные образы Туниса представлены в стихотворениях одного из известных российских поэтов Евгения Чигрина. В 2011 г. он посетил Тунис и был участником поэтического вечера, проведенном Российским центром науки и культуры Туниса в Доме резиденции А.А. Ширинской в городе Бизерта. В 2012 г. был опубликован сборник стихов «Погонщик», состоящий из четырех циклов: «Остравистие земли», «Колониальные песни», «Смычковая музыка» и «Подводный шар».

«Колониальные песни» – это своеобразные путевые заметки из далеких путешествий – Индия, Цейлон, Тунис, Марокко, острова Полинезии... В этих стихах отражены впечатления поэта-путешественника. Как отмечают рецензенты: «В стихах Чигрина витает дух серебряного века русской поэзии, они манят читателя в далекие страны, в них звучит музыка чужих наречий, но вместе с тем они очень современны, внутри этой «копилки снов» пульсирует родник живого поэтического слова, густая звукопись...» [12]. В этот цикл включены стихотворения, посвященные Тунису, его городам, культуре, бескрайней Сахаре («Кайруан», «Набуль», «Вид на мечеть, или прогулка по Сиди-бу-Саиду», «Сахара»). В геокультурных образах Чигрина мы ощущаем восточные исламские мотивы И. Бунина, африканские образы Н. Гумилева и А. Белого. Не случайно в качестве эпиграфа к стихотворению «Кайру-

ан» [16] поэтом избраны строки из «Африканского дневника» А. Белого (Н. Бугаева), а в самом тексте символист назван «молочным африканцем»: *Все гумилевым «варится», все бдит // Бугаевым – молочным африканцем.* Пространство Кайруана наполняется не только религиозным содержанием (*Прижмись к стене и стану Кайруаном, / Мечеть Окба надъшиит алкораном, ...*), но и живыми красочными образами. Так, в «мираже медины» ползет «синий» туарег, слышен смех арабских женщин. Этот «локальный колорит», как отмечает поэт, наполнен и пейзажными зарисовками: *Фонарь заснул богатым оборванцем, / Не развенчал локальный колорит, / Над минаретом движется «шамуб» / Луны, вдохнувшей мегатонны шиши.*

В стихотворении «Набуль» [17] поэт приводит другие узнаваемые геокультурные атрибуты: *глина, апельсины, халва, инжир, мечеть-стрела, Сук эль-Джума и др.* Но и в этой экзотичной повседневности присутствует образ Востока, который тесно связан с русским поэтом Буниным: *«Скиталец Бунин прорастает в суре // От муэдзина: пятница... Восток».* Е. Чигрин вслед за классиками Серебряного века создает свой неповторимый образ Туниса, наполняя конкретные топонимы художественной образностью и символикой.

Итак, геокультурный образ Туниса, находящегося на стыке средиземноморской, африканской и арабо-восточной культур, нашел яркое художественное воплощение в русской литературной традиции (в путевых очерках художника К.С. Петрова-Водкина, в путевых заметках А. Белого, в стихотворениях Н. Гумилева и Е. Чигрина). Писателей и поэтов привлекала и привлекает его особое географическое расположение, арабская восточность, богатая история и культура. Из всех названных авторов мы подробно остановились на путевых заметках А. Белого. Используя метафорическое и символическое значение звуков, красок, геометрических образов, писателю символисту удалось создать один из наиболее ярких геокультурных образов страны начала XX в.

Литература

1. Белый А. Африканский дневник / Публ. текста С. Воронина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. Т. 1. С. 330–454.
2. Белый А. Офейра: путевые заметки. М.; Берлин: Геликон, 1922. Т. 1.
3. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 6.
4. Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Т. 1. М.: Худ. лит-ра, 1991.
5. Дюма А. Усыпальница Людовика Святого. Арабская женщина // «Вокруг света». Июль 2008. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6276/>.
6. Ельцова Е.Н. Африканские образы в творчестве Н. Гумилева // Кормановские чтения. Статьи и материалы Межвузовской научной конференции (апрель, 2011). Ижевск, 2011. Вып. 10. С. 164–169.
7. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб., 2003.
8. Замятин Д. Н. Понятие геокультуры: Образ и его интерпретации // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 5–12.
9. Лавренова О.А. Отображение географического пространства в русской поэзии 18 – начала 20 века : Геокультурный аспект : автореферат дис. ... канд. географ. наук. М., 1996. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.dslib.net/econom-geografia/otobrazhenie-geograficheskogo-prostranstva-v-russkoj-pojezii-18-nachala-20-veka.html>.
10. Мохаммади З. А.С. Пушкин и Восток: заметки к теме // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, 2008, № 3. С. 126–131.
11. Петров-Водкин К.С. Поездка в Африку. «На рассвете». Вып. 1, Казань, 1910. [Электронный ресурс]. URL : http://dugward.ru/library/petrov-vodkin/petrovvodkin_poezdka_v_afriku.htm.
12. Три рецензии на книгу стихов Евгения Чигрина «Погонщик». URL: http://www.liveinternet.ru/users/sveta_kosach/post247626892.
13. Хмельницкая Т.Ю. Поэзия Андрея Белого // Белый Андрей. Стихотворения и поэмы. М.–Л., 1966.
14. Чач Е.А. Египетские впечатления Константина Бальмонта и Андрея Белого (К вопросу об ориентализме в русской культуре Серебряного века) // История и культура: Исследования. Статьи. Публикации. Воспоминания. Вып. 8 (8). СПб, 2010. С. 112–135.
15. Чигрин Е. Погонщик // Новый Мир. 2010, 2. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/2/chi7.html.
16. Чигрин Е. Стихи // Звезда, 2011, № 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/7/ch6.html>.

17. Чигрин Е. Стихи // «Зинзивер», № 8 (28), 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zinziver.ru/publication.php?id=3438>.

18. Шатин Ю.В. Африка Андрея Белого и Николая Гумилева: лики травелога // Русский травелог XVIII–XX вв. / под. ред Т.И. Печерской. Новосибирск, 2015. С. 378–426.

Geo-cultural image of Tunisia in the Russian literary tradition

The article deals with the features of the artistic comprehension of the geo-cultural image of the North African country of Tunisia in the fiction by Russian writers and poets. The authors research the way travelling facilitates the creation of the new motives and ideas in the original works by Russian authors, allowing them to participate in the creation of artistic text image of the country visited.

Key words: *geo-cultural image, literature of travelling, Tunisia.*